

Фольклористика

УДК 398.8(=511.131)

И. В. Пчеловодова, Н. В. Анисимов

ИСПОЛНИТЕЛЬ И ТРАДИЦИЯ: ФЕНОМЕН ЛИЧНОСТИ В СОХРАНЕНИИ И ПЕРЕДАЧЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ УДМУРТОВ

Жакапаез буре вайыса но столмысь тау карыса

В статье впервые рассматривается феномен личности в этнической культуре удмуртов. В этот контекст гармонично вписывается Соловьева Ольга Николаевна (1932–2018), известная в народе как *Жакы/Жакапай/Жакы апай* (букв.: тетьа Сойка/Ронжа). Исследовательский интерес к ней обусловлен рядом причин: ее огромный багаж знаний песенного репертуара и обрядов, умение свободно импровизировать в рамках своей локальной традиции, уникальные музыкально-слуховые способности.

Анализ исполнительского облика О. Н. Соловьевой позволил установить связь между звучащими в ее репертуаре песнями и судьбой певицы. Многие неприуроченные песни представляют собой автобиографическое повествование, посвященное раздумьям о несчастной судьбе, сиротской доле. Большой корпус песен в ее репертуаре относится к так называемым именованным песням, являвшимся своего рода памятью о человеке, заключенной в музыкально-песенную форму. Другая уникальная черта песенного искусства исполнительницы – знание иноэтнических песен близлежащих деревень и на языке оригинала (русском, марийском, татарском), и в переводе на удмуртский язык.

Знание обрядов местной традиции делало О. Н. Соловьеву значимой и уважаемой персоной для местного сообщества. Она до последнего дня своей жизни соблюдала и чтילה выработанные традицией мировоззренческие установки, правила поведения, каноны исполнения обрядов и напевов, которые старалась привить окружающим ее людям. Всё это вызывало неподдельный интерес к ней в научных и общественных кругах. И сегодня, когда с нами рядом нет исполнительницы, ее имя оживает в многочисленных проектах разного направления.

Ключевые слова: удмурты, традиция, личность, биография, песенный репертуар, исполнительский облик.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-418-433

В культуре любого народа есть личности, выделяющиеся из общего числа других своим творческим потенциалом и харизмой; с характерными только для них чертами исполнительского почерка и особенностями натуры, направленными на аккумуляцию и трансляцию культурного наследия своего этноса. Поэтому «к народной культуре важно прикоснуться через мир ее создателя – человека, личности, творца» [Ромодин 2009, 9]. По верному замечанию А. В. Ромодина, только при обращении к человеческому, субъективному началу (в отличие от формально-теоретического изучения фольклорных единиц) можно увидеть нечто живое, составляющее фундамент этнической культуры [там же]. Более того, «интерес к человеку как субъекту культурной традиции можно назвать одной из выразительных тенденций, обозначившихся в современных гуманитарных исследованиях» [Личность... 2014, 5].

Последние работы показали, что в традиции выделяются разные типы народных музыкантов (уравновешенный, неуравновешенно-экспрессивный, смешанный (промежуточный) [Ромодин 2009]), разные проявления индивидуальности в фольклорной музыкальной культуре [Жуланова 2014], а также творческие типы в сказительской традиции [Алпатов 2014]. Нужно отметить, что в удмуртском этномузиковедении и фольклористике специальных исследований, посвященных теме творческой реализации личности в традиционной культуре, не существует. Можно обозначить лишь работу С. В. Стародубцевой «Ой, распечальное моё сердечко (песни из репертуара Натальи Власовой)» [Стародубцева 1999]. Данная статья призвана отчасти заполнить существующую лауну.

Наше внимание сфокусировано на характеристике одной из ярких и харизматичных персон удмуртской традиционной культуры – Ольги Николаевны Соловьевой (1932–2018). Выбор обусловлен, в первую очередь, тем, что Ольга Николаевна выделялась колоссальным знанием фольклорно-

этнографического и песенного материала своей традиции. Кроме того, авторы статьи были хорошо знакомы с О. Н. Соловьевой, неоднократно приезжали к ней на протяжении нескольких лет. Последнее обстоятельство позволило привлечь наблюдения над ее обыденной жизнью, участием в обрядовых действиях, а также интервью и комментарии разных лет.

Детство, семья

Ольга Николаевна Соловьева родилась в 1932 г. в д. Карамас-Пельга (удм. Уддяди) Киясовского района Удмуртии, где больше известна под именем *Жакы/Жакапай/Жакы апай* (букв.: Сойка/тетя Сойка). Это орнитоморфное имя она получила с самого рождения по бытовавшей на то время старинной удмуртской традиции: именами птиц, животных и растений нарекали, как правило, в случаях частой детской смертности или постоянного болезненного состояния детей. По словам Ольги Николаевны, в ее семье подряд умерло несколько детей, после чего родители назвали ее *Жакы*.

В 1942 г., в десятилетнем возрасте она вместе с трехлетним братом Семеном осталась сиротой: отец погиб на фронте, мать скоропостижно скончалась. Однако им удалось избежать участи «детдомовской» жизни, оставшись жить с дедушкой в его доме.

В эти тяжелые годы им пришлось трудно: ходили по деревне, просили у односельчан пропитание, не имели хорошей одежды. Иногда местный колхоз помогал, выделяя из кассы взаимопомощи полпуда муки. Но неоценимую помощь оказывали все-таки односельчане, которых *Жакапай* неоднократно благодарила в своих песнях.

Рис. 1. Жакapai – Соловьева Ольга Николаевна. Фото из семейного архива Соловьевых

Рис. 2. Жакapai со своим братом Семеном. Фото из семейного архива Соловьевых, 1954 г.

Как вспоминала Жакапай, в один из голодных военных дней она решила покончить с жизнью. Однако удивительный случай стал переломным в ее судьбе:

«Встаю однажды ранним утром и выхожу во двор... Брат маленький, дедушка старенький. Потом и дедушка умер. Еды нет, одежды нет. Погода ветреная. Соседская береза от ветра клонится в разные стороны. К этой березе я до сих пор отношусь как к ангелу-хранителю. «Умереть что ли уже? Что мне делать?», загибаюсь и реву. Потом мне береза словно ответила: «Ты не умирай. Я вот до земли наклоняюсь и снова встаю, выпрямляюсь». В этот момент незаметно подошел брат и со слезами на глазах обратился ко мне: «Сестра, ты не умирай! Я больше не буду реветь и просить кушать!». Так и остались эти слова в сердце на всю жизнь».

Трудная жизненная ситуация не позволила получить Ольге Николаевне полное школьное образование, она окончила лишь 4 класса. Но дала себе слово, что постарается дать образование своему родному брату Семену Николаевичу Утехину. Впоследствии Семен Николаевич после среднего звена получил высшее образование в Ижевском сельскохозяйственном институте (ныне Ижевская государственная сельскохозяйственная академия).

Жакапай вышла замуж за односельчанина-вдовца, у которого осталось шестеро детей. Своих детей у нее так и не было. Однако всех детей мужа она воспитала как своих. Кроме того, она взяла на воспитание двоих осиротевших детей брата своего мужа.

Ольга Николаевна свою трудовую деятельность начала в местном колхозе «Урожай» (позднее – колхоз «Ленинец»). Затем работала почтальоном Карамас-Пельгинского отделения связи. За свой труд и достижения она награждена орденом «Дружбы народов», медалями «За трудовую доблесть» и «Ветеран труда». В 2005 г. была удостоена звания «Почетный гражданин Киясовского района», в 2008 г. – премии «Признание» за вклад в развитие народного творчества, присужденной Правительством Удмуртской Республики.

Песенное искусство и народная мудрость

В тяжелой судьбе Ольги Николаевны исполнение песен стало спасением. Через песни она пропевала, выговаривала все свои переживания, заботы, горести и радости. Именно это явление отражает традиционную психологию удмуртов. Выражение эмоций и мыслей через музыкальный язык для удмуртов – важный коммуникативный способ, выполняющий также мощный катартический/психотерапевтический эффект. Такого рода феномен музыкальной психологии удмуртский этномузыковед И. М. Нуриева объясняет некоторыми стереотипными удмуртскими чертами: «По правилам коммуникативного общения на людях удмурты, являясь по природе интровертами, не должны громко и открыто выражать свои эмоции: плакать навзрыд, громко смеяться, широко жестикулировать» [Нуриева 2014, 206], в то время как исполнение песни позволяет высказать/выплеснуть внутреннее состояние. Эти слова подтверждают высказывания самой Ольги Николаевны Соловьевой относительно пения:

«Вечерних гуляний и посиделок я много не видала. Частенько слышала, как друзья с песнями возвращались с вечерних гуляний. А я в одиночестве песни сочиняла и пела про себя. У меня даже одежды не было выйти в люди. Вот так я стыдилась очень <...>. Если бы я не пропевала все в песне, я, наверное, живой не была бы уже от всех пережитых горестей и трудностей жизни».

Многие песни стали отражением ее судьбы. В частности, нелегкий период своей сиротской жизни она описала в сочиненном ею автобиографическом тексте на мотив удмуртской народной песни. Данная песня примыкает к разряду удмуртских лирических песен, посвященных раздумьям о горестной и несчастной судьбе. Один из основных мотивов выражения этого состояния – мотив сиротства, выраженный через описание необходимости зарабатывать себе на жизнь кусок хлеба, заставляя сироту идти «в люди» с малых лет:

♩ = 96

Пи - чи дъ-рись туж се - кът но у - ль- нь мон(ъ) къ - ли но.
 Пи - чи - и - сен(ъ) туж се - къ-тэсь къль-ё-сыз(ы) мон(ы) къ - ль- лй.
 Пи - чи - и - сен(ъ) туж се - кыт но къл(ъ)-ё-сыз мон(ы) къ - ль- лй.
 Ки- ям пу- йь, ой, ку - ты- са гуртъ-ёс - тй но мон(ы) вет-лй.
 Нянь(ъ) па - лэсь-ёс ку - ры - лы- са у - но пол(ы) мон(ы) тэль(ъ)-мъ-ри.
 Нянь(ы) па - лэсь- ёс ку - ры - лы- са у - но пол(ы) мон(ы) тэль(ъ)-мъ-ри.

*Пичи¹ дърись туж секът но
 Улънь мон(ъ) къли но.
 Пичиисен(ъ) туж секътэсь
 Къльёсыз(ы) мон(ы)къльлй.
 Пичиисен(ъ) туж секыт но
 Кыл(ъ)ёсыз мон(ы) къльлй.*

С детства очень тяжело да
 Жить мне пришлось да.
 С детства очень тяжелые/грубые
 Слова да я слышала.
 С детства очень тяжелые/грубые да
 Слова да я слышала.

*Киям пуйь, ой, кутыса,
 Гуртъёстй но мон ветлй.
 Нянь(ъ)палэсьёс курлыса,
 Уно пол(ы) мон(ы) тэль(ъ)мъри.
 Нянь(ы)палэсьёс курылыса,
 Уно пол(ы) мон(ы) тэль(ъ)мъри.*

Взяв в руки, ой, котомку,
 По деревням да я ходила.
 Прося недоеденные куски хлеба,
 Много раз я выпрашивала.
 Прося недоеденные куски хлеба,
 Много раз я выпрашивала.

*Бёр(ъ)дйсько но чушиськисько
 Тодьы векчи кышетам.
 Мал(ы)паськисько но паймисько
 Йырылэн чидамезлы.
 Малпаськисько но паймисько,
 Йырылэн чидамезлы.*

Плачу да утираюсь
 В свой тонкий белый платок.
 Думаю да удивляюсь
 Терпению своей головушки.
 Думаю да удивляюсь,
 Терпению своей головушки².

[Кырзась... 1995]

¹ Здесь и далее удмуртский текст песен приведен с сохранением языковых особенностей исполнения, где ь знак (за исключением случаев, где он используется в качестве твердого знака) обозначает заднерядный вариант гласного (фонемы) *ы*, который используется во многих диалектах удмуртского языка, по своим характеристикам близок к фонеме (гласному) *ы* татарского языка.

² Здесь и далее переводы удмуртских текстов на русский язык сделаны авторами статьи.

Жакапай неоднократно благодарила в песнях своих односельчан за то, что не позволили ей расстаться с родной деревней, отчим домом и родственниками:

$\text{♩} = 120$

Жеч мурт - лэн но жок сьораз пук - сён дыр(ы)-ям,
гурт ка - лы - ке - лы та - у ка - рись - ко.
Гурт ка - лы - ке - лы та - у ка - рись - ко.
Да - но Уд - дя - ди ка - лы - ке - ным вал(ы)-че
бы - дэс - тий мон(ы) та шу - до йыр - ме.
Бы - дэс - тий мон(ы) та шу - до йыр - ме.

<...>

<...>

*Жеч муртлэн но жок сьораз пуксён
дыр(ы)ям,*

Когда сажусь да за стол добрых людей,

Гурт калыкелы тау карисько.

Благодарю своих односельчан.

Гурт калыкелы тау карисько.

Благодарю своих односельчан.

*Дано Уддяди калыкеным вал(ы)че
Быдэстий мон(ы) та шудо йыр(ы)ме.
Быдэстий мон(ы) та шудо йыр(ы)ме.*

Вместе с почтенным Карамас-Пельгинским народом
Взрастила я свою счастливую головушку.
Взрастила я свою счастливую головушку

[Кырзась... 1995]

Ольга Николаевна знала и исполняла большой корпус так называемых именных песен. Главным критерием их выделения служит имя исполнителя в ее названии: например, *Пислег Лукерьяпай-лэн гурез* – напев тети Пислег (букв. Синицы) Лукерьи, *Гиргалэн гурез* – напев Гирги и т.д. (подр. см.: Пчеловодова 2013). Эти напевы являлись для нее своего рода памятью о том или ином человеке, заключенной в музыкально-песенную форму. Она прекрасно знала историю каждой подобной песни и могла долго рассказывать о ее предыдущем исполнителе. Нередко во время пения исполнительница прерывалась из-за нахлынувших эмоций и слез, заново переживая пропеваемые ситуации и вспоминая ее исполнителя.

В сборнике «Песни южных удмуртов», посвященном необрядовому песенному фольклору Киясовского района УР [Пчеловодова, Анисимов 2017], опубликовано несколько именных песен, записанных как в сольном исполнении Ольги Николаевны, так и в ансамбле:

- *Кайло Петыр агайлэн гурез* – напев/песня дяди Кайло Петыра,
- *Софьяпайлэн кырзан гурез* – напев/песня тети Софьи (этот напев спела женщина по имени Софья при прощании с односельчанами, когда уходила на фронт во время Второй мировой войны),
- *Терентей Пакапайлэн Уддяди гуртлэсь мӧзмон гурез* – напев/песня тети Терентей Паки, тоскующей по своей деревне Карамас-Пельга (этот напев Ольга Николаевна услышала от женщины по имени Паки, вышедшей замуж в д. Ляли Алнашского района УР – однажды, вернувшись повидаться с родными, Паки исполнила этот напев, высказав свою тоску по родной стороне),
- *Дулам Палагей апайлэн гурез* – напев/песня тети Дулам Палагеи,
- *Падей агайлэн гурез* – напев/песня дяди Падея,
- *Кузь Ондрей агайлэн гурез* – напев/песня дяди Кузь Ондрея (Ольга Николаевна впервые услышала этот напев от жителя д. Старая Салья во время похорон его шестнадцатилетней дочери, утонувшей в реке).

К группе именных песен близки так называемые деревенские напевы, для названий которых характерны географические объекты. Так, в репертуаре Ольги Николаевны нами записаны *Уддяди гур* – напев д. Карамас-Пельга, *Лялиись ваем гур* – напев, привезенный из д. Ляли, *Салля гур* – напев д. Старая Салья, *Бӧдьялась ваем гур* – напев, привезенный из д. Варклед-Бодья. По словам Жাকাпай, эти напевы были услышаны ею или односельчанами в названных деревнях. Например, напев д. Карамас-Пельга исполнительница никогда не слышала в других населенных пунктах.

Интересен по тексту один из напевов д. Варклед-Бодья. Здесь, помимо заимствования, мы наблюдаем процесс «авторизации» песен: в тексте упоминаются имена людей, которыми был обозначен данный напев и, видимо, услышан от них:

*Ой, та гур(ъ)ёс кинь(ъ)лэн ке но шульїдъ,
Октябрьись Тъмър(ъ)шалэн, ой, гуръёсьз.
Октябрьись Тъмър(ъ)шалэн, ой, гуръёсьз.*

Ой, чьи это напевы, если спросите да,
Из д. Октябрь Тымырши, ой, напевы.
Из д. Октябрь Тымырши, ой, напевы.

*Октябрьись Тъмър(ъ)шалэн(ъ) гурез ӧвӧл та,
Дем(ъ)ян гънэ кудомълэн, ой, гуръёсьз.
Дем(ъ)ян гънэ кудомълэн, ой, гуръёсьз.*

Это не напев Тымырши из д. Октябрь,
Демьяна да свата, ой, напевы.
Демьяна да свата, ой, напевы.

*Демьян гънэ кудолэн гурез ӧвӧл та,
Чоко гънэ Васягайлэн, ой, гуръёсьз.
Чоко гънэ Васягайлэн, ой, гуръёсьз.*

Это не Демьяна да свата напев,
Чоко да дяди Васи, ой, напевы.
Чоко да дяди Васи, ой, напевы.

[Пчеловодова, Анисимов 2017, 328]

Сегодня среди жителей д. Карамас-Пельга данный напев бытует как принадлежащий Жাকাпай – Жাকাпайлэн гурез.

Во время наших бесед на вопрос «Сочиняет ли Жাকাпай песни сама?», она практически всегда отвечала: «Нет. Я ведь на готовом живу. Народ уже до меня столько красивых и душевных песен сочинил». Зная о большом таланте исполнительницы, авторы статьи понимали, что это, с одной стороны, проявление скромности удмуртской женщины, с другой – понимание близкой принадлежности к традиции, в рамках которой она творит. Ей не составляло труда запомнить песню после одного прослушивания, что подтверждало ее уникальные музыкально-слуховые способности. Мы не раз могли наблюдать, как Жাকাпай довольно легко и органично могла включить в песню любой текст, отражающий сиюминутные эмоции, внутреннее состояние, обстановку, нахлынувшие воспоминания о своей жизни и т.д. Импровизация для нее не являлась чем-то сложным, наоборот она комментировала так: «Все, что я хочу сказать, через песню высказываю. Не люблю много разговаривать». Ярким примером этого явления можно назвать песню, исполненную ею в передаче «Кырзась лул-сюлэм» – «Поющая душа», записанную на ГТРК «Удмуртия». В данной песне Ольга Николаевна исполнила поэтические мотивы разного содержания, но наиболее близкие ее жизненной ситуации. Обращает на себя внимание так называемый мотив предсказания несчастной судьбы через искусное умение петь.

По верному замечанию исследователей, в удмуртской традиции существует двойственное отношение к умению петь: знатоки песен и наделенные красивым, звонким голосом певцы в деревенском социуме всегда являлись уважаемыми персонами, противоположной чертой этого умения считалось предствление о несчастливой судьбе исполнителя [Нуриева 1999, 87–88]. Хотя сама Жакапай утверждала, что именно пение и песня помогли ей пережить тяжелые жизненные ситуации:

$\text{♩} = 108$

Ню-лэс ду-рѳн у-чѳ чѳр(ѳ)-дэ, чѳр(ѳ)-дэмъ-яз пѳд-ло пѳ-ре.

Мѳ-нам(ѳ) та у-лон азъ-ё-сь у-лэм(ѳ)-ям(ѳ) шуг-ль кѳ-ле.

Тѳ-дѳь луд-кеч, тѳ-дѳь луд-кеч тѳль-ль бѳ-дэ тѳль (ѳ)-мѳ-ре(й).

Тй-ни (й)о-зѳь (й)ик тѳль(ѳ)-мѳ-рѳн кѳ-лиз, лэ-ся, та йѳ-рѳ.

Тй-ни (й)о-зѳь (й)ик тѳль(ѳ)-мѳ-рѳн кѳ-лиз, лэ-ся, та йѳ-рѳ(й).

У-чѳ чѳр(ѳ)-дон а-ра-ма-ёс ми-лем(ѳ)-ль туж ки-дѳ-кѳн.

Ум(ѳ) кѳ-лйсь-ке(й), ум(ѳ) кѳ-лйсь-ке чѳр(ѳ)-дѳ-лэм но куа-ра-зѳ.

Ум(ѳ) кѳ-лйсь-ке(й), ум(ѳ) кѳ-лйсь-ке чѳр(ѳ)-дѳ-лэм но куа-ра-зѳ(й).

Нюлэс дурѳн учѳ чѳр(ѳ)дэ,
Чѳр(ѳ)дэмъяз пѳдло пѳре.
Мѳнам(ѳ) та улон азъёсь
Улэм(ѳ)ям(ѳ) шугль кѳле.

Тѳдѳь лудкеч, тѳдѳь лудкеч
Тѳльль бѳдэ тѳль(ѳ)мѳре(й).
Тйни (й)озѳь (й)ик тѳль(ѳ)мѳрѳн
Кѳлиз, лэся, та йѳрѳ.
Тйни (й)озѳь (й)ик тѳль(ѳ)мѳрѳн
Кѳлиз, лэся, та йѳрѳ(й).

Учѳ чѳр(ѳ)дон арамаёс
Милем(ѳ)ль туж кидѳкѳн.
Ум(ѳ) кѳлйське(й), ум(ѳ) кѳлйське

Возле леса соловей поет,
По мере пения в глубь леса залетает.
Эта моя судьба
По мере жизни тяжкой становится.

Белый заяц, белый заяц
В каждом лесу горюет.
Так же вот горевать
Осталась, видимо, моя головушка.
Так же вот горевать
Осталась, видимо, моя головушка.

Рощи, где поет соловей,
От нас очень далеки.
Не слышим, не слышим

Чър(ъ)дълэм но куаразэ.
Ум(ъ) кълїське(ї), ум(ъ) кълїське
Чър(ъ)дълэм но куаразэ(ї).

Голоса да его пения.
Не слышим, не слышим
Голоса да его пения.

Анай-атай(ы)тэм нъл(ъ)пиед
Уй но нунал(ъ) тэль(ъ)мъре(ї).
Кълїсь өвёл, кълїсь өвёл(ъ)
Тэль(ы)мърем но куаразэ.
Кълїсь өвёл(ъ), кълїсь өвёл
Тэль(ъ)мърем но куаразэ(ї).

Ребенок без отца-матери
Ночь и день горюет.
Никто не слышит, никто не слышит
Голоса да его горевания.
Никто не слышит, никто не слышит
Голоса да его горевания.

Пичи(ї)исен усто луи
Кър(ъ)занъ но веранъ(ї).
Кемаласен тодмо луиз,
Таће шудтэм луэме(ї).
Кемаласен(ы) тодмо луиз,
Таће шудтэм луэме(ї).

С малых лет искусной стала
Петь да сказывать.
Давно известно стало,
Что стану такой несчастной.
Давно известно стало,
Что стану такой несчастной.

Усто шуо, усто шуо,
Кър(ъ)занъ но веранъ(ї).
Усто луод, усто луод,
Кайгу пър(ъ)тї потїд ке.
Усто луод, усто луод(ы),
Кайгу пър(ъ)тї потїд ке.

Искусная, говорят, искусная, говорят,
Петь да сказывать.
Искусной станешь, искусной станешь,
Если через горе пройдешь.
Искусной станешь, искусной станешь,
Если через горе пройдешь.

[Кырзась... 1995]

Среди односельчан Ольгу Николаевну выделяло знание и исполнение большого количества не только удмуртских, но и песен соседних народов. Киясовский район УР отличает многонациональный состав населения. Здесь, помимо удмуртов, проживают русские, татары, марийцы. Работа почтальоном способствовала изучению Жাকাпай языков этих народов, а позднее и их песенного творчества. Последующая межнациональная коммуникация и взаимоотношения составили большой жизненный опыт и багаж интернационального культурного наследия Ольги Николаевны. Она исполняла песни как в оригинале (русском, татарском и марийском), так и в переводе на удмуртском языке. Нередко Жাকাпай была единственной хранительницей песен соседних этносов. Так, например, в ее личном репертуаре сохранились песни исчезнувшей соседней русской деревни Старозайчиково Киясовского района УР. В 2015 г. Жাকাпай сопровождала Анну Мишину, в то время докторантку Тартуского университета Эстонии, во время ее экспедиции в соседнюю марийскую деревню Унур-Киясово Киясовского района УР (расположена в 6 км от д. Карамас-Пельга). Здесь произошел следующий знаменательный случай: местные марийцы затруднялись вспомнить или не изъявляли большого желания озвучить свои напевы, тогда Жাকাпай сама начала петь их напевы, тем самым «спровоцировав» их на исполнение марийских песен³.

Явление активного восприятия Ольгой Николаевной иноэтнического репертуара происходило также во время фестивальных поездок в другие регионы и страны. «Привезенные» песни других народов она исполняла в местном сообществе на языке оригинала, иногда в переводе на удмуртский язык. Каково же было удивление венгерских, финских и эстонских ученых и студентов, встречаемых Жাকাпай песней на их родном языке!

Помимо традиционных песен исполнительница включала в свой репертуар современные удмуртские эстрадные песни, что значительно расширяло ее музыкальный фонд. Так, во время праздников и культурных мероприятий после традиционных песен она легко могла переключиться на исполнение авторских эстрадных произведений. С особой гордостью и трепетом относилась к творчеству самодельного композитора односельчанина Николая Уткина, чьи песни с удовольствием пела. Наблюдался и обратный процесс, когда песни в ее исполнении становились частью эстрадного репертуара. В частности, Татьяна Ишматова и Александр Катков по-новому озвучили на сцене песню

³Устное сообщение Анны Мишиной, 2019 г.

марийского происхождения «*Зарни шунды жсужалоз*» – «Золотистое солнце взойдет». Николай Анисимов в дуэте с Аленой Тимерхановой включили в свой эстрадный репертуар плясовой напев д. Карамас-Пельга «*Уддяди такмакъёс*» – «Карамас-Пельгинские частушки». В музыкальный альбом этно-проекта «AR-GOD» (Эстония) вошли песни, записанные от Жакапай участниками проекта⁴ в разное время: «*Учыед чирдоз*» – «Соловей запоет», «*Эктон гур*» – «Плясовой напев [д. Карамас-Пельга]», «*Куно гур*» – «Гостевой напев».

На наш взгляд, Ольга Николаевна одна из немногих представителей этноса, сохранивших архаичную манеру исполнения обрядовых напевов, о чем, впрочем, с горечью подчеркивала и сама: «*Так, как пою я, ведь уже не поют*». Данный факт отражает особое отношение исполнителя к музыкальному наследию удмуртов, понимание сакральной значимости древних обрядовых напевов и важности сохранения особой архаичной манеры исполнения. В этом проявляется важная роль отдельной личности как хранителя и исполнителя культурного наследия.

В песенной культуре удмуртов существует особый обрядовый тембр голоса для исполнения календарных напевов. Впервые эту проблему рассмотрела И. М. Нуриева на примере песенной традиции завятских удмуртов [Нуриева 1999, 83–84]. Что касается исполнительской манеры Жакапай, то здесь надо отметить мощную подачу звука, пропевание длинной музыкальной фразы на одном дыхании. Звук при этом не громкий, но очень напористый, ощущается предельное напряжение голосовых связок. Певица сохранила характерную особенность архаичного интонирования нечеткой терции. Необходимо отметить еще одну исполнительскую черту Ольги Николаевны – монотонность исполнения, некую отстраненность, которая способствует созданию медитативного состояния. К сожалению, сегодня такая манера пения внутри традиционной культуры утеряна и воссоздается лишь учебными студенческими коллективами в Республиканском музыкальном колледже и Удмуртском государственном университете.

Рис. 3. Поминальный обряд *йыр-пыд сётон* (отдавание головы-ног [жертвенного животного]).
Автор фото: Н. Анисимов, 2017 г.

В качестве примера приведем исполненный Жакапай в 1993 г. *Быдзыннал гур* – «напев Великого дня»:

⁴В состав этно-проекта «AR-GOD» (Эстония) входят удмуртские и эстонские музыканты – это Мария Корепанова, Николай Анисимов и Тойво Сьмер. Коллектив был создан в 2014 г. Особенностью исполнительского стиля является сочетание традиционных удмуртских и бесермянских напевов/песен в сопровождении этнических музыкальных инструментов.

♩ = 72

А - рен (ь) гь - нэ(й), па-лэн уг (ь) возь-мал-лям Бьд-зьн-нал(ь)-мь(й).
 Тун - нэ(й) гь - нэ(й) ну - на - лън, ой, со ву - из.
 Тун - нэ(й) гь - нэ(й) ну - на - лън, ой, со ву - из.
 Ой, тй - ле - дън (ь) ми - ле - мъз Инь(ь)-мар(ь)-мь(й) сё - гь - лэм.
 Ча - ле(й) а - ли вал(ь)-е гь - нэ, ой, у - ло - ме(й).
 Ча - ле(й) а - ли вал(ь)-е гь - нэ, ой, у - ло - ме(й).
 Ми пь - рись-ком (ь) тй до - рь(й) юм(ь)-шан но(й), ой, ся - (й)ин.
 Ми пь - ре - мись вожь - ёс - тэс, ой, эн(ь) ва - е.
 Ми пь - ре - мись вожь - ёс - тэс, ой, эн(ь) ва - е.

Арен(ь) гьнэ(й), палэн уг(ь)
 Возьмаллям Бьдъьннал(ь)мь(й).

Туннэ(й) гьнэ(й) нуналън, ой, со вуиз.
 Туннэ(й) гьнэ(й) нуналън, ой, со вуиз.

Ой, тйледън(ь) милемъз
 Инь(ь)мар(ь)мь(й) сётълэм.

Осенью⁵ только, половиной [года] ведь
 ждали наш Великий день.

Сегодняшним только днем, ой, он наступил.
 Сегодняшним только днем, ой, он наступил.

Ой, нас с вами наш *Иньмар*⁶ даровал,

⁵ По сведениям удмуртских исследователей, слово *ар*, означающее в современном удмуртском языке один календарный год, корнями восходит к общепермскому **ар* “осень” и в своем первоначальном значении встречается, например, в календарно-обрядовых песнях [Владыкина, Глухова 2011, 14–15]. «В совпадении понятий осень и год удмуртские фольклористы усматривают большую значимость осенне-зимнего периода, связанного, вероятно, с архаическим отсчетом времени, когда новолетие начиналось осенью» [Анисимов 2017, 102].

⁶ *Иньмар* – теоним верховного бога-небожителя.

<i>Чале(й) али вал(ъ)че гънэ, ой, уломе(й).</i>	Давайте только вместе, ой, будем жить.
<i>Чале(й) али вал(ъ)че гънэ, ой, уломе(й).</i>	Давайте только вместе, ой, будем жить.
<i>Ми пърисъком(ъ) тй доръ(й)</i> <i>юм(ъ)шан но(й), ой, ся(й)ин.</i>	Мы заходим к вам по ходу празднования.
<i>Ми пъремись вожъѣстэс, ой, эн(ъ) вае.</i>	От того, что мы зашли, зла, ой, не держите.
<i>Ми пъремись вожъѣстэс, ой, эн(ъ) вае.</i>	От того, что мы зашли, зла, ой, не держите.
<i>Ачид(ъ) гънэ кашамер, винаед(ъ)</i> <i>калям(ъ)пер.</i>	Сама только кашемировая, вино твое анисовое.
<i>Тънэсьтъд(ъ) бон уд(ъ) юъ(й),</i> <i>кинъ(ъ)лэсь юод?</i>	У тебя да не выпьешь, у кого выпьешь?
<i>Тънэсьтъд(ъ) бон уд(ъ) юъ(й),</i> <i>кинъ(ъ)лэсь юод?</i>	У тебя да не выпьешь, у кого выпьешь?

[Марзан 1993]

Жакапай являлась не только ценным исполнителем, но и хранителем народной мудрости. Не случайно в деревне ее в шутку называли «компьютером». Большую роль в этом сыграл и личный интерес женщины к родной культуре. Она до последнего дня своей жизни соблюдала и чтитела выработанные традицией мировоззренческие установки, правила поведения, каноны исполнения обрядов и напевов и пр., которые утеряны молодым поколением деревни. Поэтому Ольга Николаевна была значимой и уважаемой персоной местного сообщества. К ней обращались за советами и помощью в организации ритуальных церемоний, а также по разным личным вопросам. Так, в частности, в 2017 г. во время проведения поминального обряда *йыр-пыд сѣтон* (букв.: отдавание головы-ног [жертвенного животного]), Жакапай рассердилась на разговаривающих во время пения участников обряда, призывая их к пению, как это подобает в обрядовой ситуации. Римма Михайловна Лопатина, организовавшая данный обряд, в течение всего действия неоднократно консультировалась с ней по поводу ритуального сценария, выполнения определенных действий, произнесения вербальных формул, подготовки обрядовых атрибутов и т. д.

Свои знания и умения Ольга Николаевна многие годы передавала посредством участия в народном фольклорном коллективе «*Инвожо*» при Карамас-Пельгинском сельском Доме культуры. В репертуаре ансамбля немало песен, с которыми Жакапай щедро делилась на основании своих воспоминаний и личного опыта. Она была как солисткой, так и пела в коллективе. В составе ансамбля участвовала во многих фестивалях, конкурсах и праздниках различного уровня, посетила немало регионов России, была в нескольких зарубежных странах. По словам руководителя ансамбля Надежды Пахомовой, Ольга Николаевна являлась своего рода научным консультантом в их творческой работе, особенно в подготовке обрядовых постановок и исполнении обрядовых напевов⁷.

В последние годы жизни возмущение Жакапай вызывал тот факт, что люди много «болтают» и меньше поют. Ольга Николаевна с прискорбием отмечала, что жизнь с каждым годом становилась тоскливой, поскольку традиция исчезала, а люди стали жить обособленно вместо коллективного соучастия.

Другой причиной ее переживаний был багаж незаписанных знаний, который она не хотела уносить с собой в могилу. Поэтому Ольга Николаевна начала записывать свои воспоминания в нескольких тетрадях. Однако прогрессирующая болезнь давала о себе знать, что отражалось в неразборчивом почерке, а некоторые предложения остались незавершенными. Сейчас эти письма хранятся у родственников Жакапай. Одно письмо она посвятила автору статьи – Николаю Анисимову, где сообщает о своем благословении и делится текстом авторской песни, которую просит при желании исполнять:

<i>Улмо сяська вакытэ</i>	В пору цветения яблони
<i>Тон лыкто, шуид, дорам.</i>	Ты сказал, придешь ко мне.
<i>Мон возьмай, куазед сактэ,</i>	Я ждала, рассветало [уже],
<i>Тон ѓд ву, ѓд ву дорам.</i>	Ты не пришел, не пришел ко мне.

⁷ Устное сообщение Пахомовой Н., 2019 г.

*Пуки сад пöлын огнам,
Кытын ке арган шудэ.
Ныл куара шулдыр кырза,
Туганэ солы юрттэ.*

*Пуки сад пöлын огнам,
Учы гурез кылзыса.
Лыктэмдэ возьмай,
Азям сясыка кузьым дасяса.*

*Монэ пöяд шуыса,
Сюлэмам жöжжан кенжиз.
Садысь потид мыняса,
Верано кылы вуниз.*

*Припев:
Льöмпу сясыка, льöмпу сясыка,
Малы-о тон төлзиськод?
Тулыс куазез, яратонэз
Пöсь сюлэмме кельтиськод.*

Сидела в саду одна,
Где-то гармонь играла.
Девичий голос красиво поет,
Милый ей помогает.

Сидела в саду одна,
Слушая пение соловья.
Ждала твоего прихода,
Приготовив перед собой венок (букв.:
цветочный подарок).

От того, что меня обманул,
Разгорелась в моем сердце тоска.
Ушел ты из сада, улыбаясь,
Забыла приготовленные для тебя слова.

Припев:
Черемухи цвет, черемухи цвет,
Почему же ты облетаешь?
Весеннюю пору, любовь
В моем горячем сердце оставляешь
[Из личного архива Николая Анисимова]

Бесценный информант

Жакапай была бесценным информантом для многих российских и зарубежных ученых, студентов, что нашло отражение в их научных публикациях. В частности, выпускница факультета удмуртской филологии (ныне Институт удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики) Удмуртского государственного университета Валентина Макарова в 2007 г. защитила дипломную работу «Музьем колёса, сюлэм пияла... Жакы апайлэн чеберлыко кылос портретэз» («Земля – колесо, сердце – стекло... Творческий портрет тети Сойки»), где раскрыла роль Ольги Николаевны как уникальной творческой личности в культуре удмуртов [Макарова 2007]. Дипломница резюмировала следующее: в репертуаре Ольги Николаевны больше песен-размышлений о жизни/судьбе, о людях, меньше песен о любви, что напрямую связано с судьбой исполнительницы. Выделяя поэтические мотивы в ее песнях (мотив о прошедшей молодости, о несчастливой судьбе, мотивы расставания/разлуки), дипломница отметила, что большое место занимает мотив благодарности жителям деревни, которые помогли О. Н. Соловьевой в трудные моменты жизни. Весьма интересное наблюдение сделано автором относительно распространенного в исполняемых ею песнях образа березы. Это самое любимое дерево героини, которое, как мы отметили выше, сыграло определенную роль в ее жизни.

В 2010 г. Ольга Николаевна принимала участие в государственной дипломной концертной программе студентки отделения народного хора (ныне отделение музыкального и сценического искусства) Института искусств и дизайна Удмуртского государственного университета Екатерины Самоделко (Даниловой).

Для некоторых студентов, а впоследствии профессиональных исполнителей, Жакапай была своего рода негласным учителем искусного исполнения традиционных песен. В 2011 г. она в качестве почетного гостя в составе народного фольклорного ансамбля «Инвожо» была приглашена на первый сольный концерт этноисполнительницы Марии Корепановой, который состоялся на сцене Государственного национального театра УР.

Удмуртский фольклорист, доктор филологических наук, профессор Т. Г. Владыкина посвятила ей и знатокам народных традиций удмуртов свою монографию «Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики» [Владыкина 1997]: «Жакы апайлы но трос-трос мукетьёсызлы, кин утиз но уте на удмурт калыкмылэсь визьнодзэ но кинэн шуд усиз мыным пумиськыны, – йыбыртыса» (Тете Жакы и многим-многим другим, кто сохранил и продолжает сохранять народную мудрость нашего удмуртского народа и с кем мне посчастливилось встретиться, – с поклоном)⁸ [Владыкина 1997, 3].

⁸ Перевод сделан авторами статьи.

Рис. 4. Жакапай исполняет песни для эстонских исследователей. Автор фото: Ева Тулуз, 2005 г.

Рис. 5. Встреча авторов статьи с Жакапай. Автор: Д. Корнилов, 2013 г.

В последние годы к ее исполнительскому мастерству и знаниям обращались и авторы статьи. Так, большую помощь Жакапай оказала в сборе материалов для песенного сборника «Песни южных удмуртов», посвященного необрядовому музыкальному фольклору удмуртов Киясовского района [Пчеловодова, Анисимов 2017]. Здесь в ее исполнении (как сольно, так и в коллективе) опубликовано 32 песни.

Яркий образ и талант Ольги Николаевны не раз привлекал внимание журналистов и кинооператоров. О ее ценности и важности для удмуртской культуры писали в удмуртских СМИ (см., например, Кырзакум... 2012: электр. ресурс). Фильмы с ее участием отражают особенности удмуртской культуры и музыкального фольклора. Многие из них можно найти в общем доступе в просторах Интернета [Кто мы... 2011: электр. ресурс; Письма... 2013: электр. ресурс; Удмуртия... 2016: электр. ресурс; Праздник Акашка... 2018: электр. ресурс]. Она являлась героиней документальных фильмов и телевизионных программ как региональных, так и федеральных каналов:

- ГТРК «Удмуртия» (документальные фильмы: «Марзан» («Жемчужина»), 1993 г.; «Кырзась лул-сюлэм» («Поющая душа»), 1995 г.; «Утись» («Хранительница»), 2014 г.;
- ГТРК «Санкт-Петербург» (цикл телепередач «Письма из провинции» съемочной студии «Культура»);
- В 2005 г. в г. Рига на местном телевидении снимали Балтийский фестиваль, в котором принимал участие фольклорный ансамбль «Инвожо»;
- Первый канал (участие в телевизионном шоу «Минута славы» совместно с народным фольклорным коллективом «Инвожо», 2010 г.).

Вместо заключения

Уход из жизни Жакапай 26 июня 2018 г. стал большой потерей для удмуртской культуры. Многие ее знания так и остались не зафиксированными, а те, что записаны, еще ждут своего исследователя, чтобы обогатить удмуртскую науку и культуру. Однако сейчас мы с уверенностью можем утверждать, что даже первое исследование творческой реализации личности на примере Жакапай в условиях ее взаимодействия с культурными канонами проясняют механизмы функционирования коллективного и индивидуального в фольклорной традиции. Наиболее ценными являются личные комментарии Ольги Николаевны по отношению к культурным процессам, поскольку коллективные знания и исполнительский феномен нередко раскрываются через индивидуальные высказывания рассказчика и певца.

В перспективе планируется несколько проектов, связанных с неповторимой личностью Жакапай:

- молодой удмуртский кинооператор Денис Корнилов, младший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского Федерального исследовательского центра УрО РАН, готовит фильм о ее личности;
- этноисполнительница, доктор философии по музыке Мария Корепанова готовит музыкальный альбом как в собственном исполнении, так и в тандеме с другими музыкантами из песен, записанных от Жакапай;

Рис. 6. Жакапай в 2016 г.
Автор фото: Н. Анисимов

- авторами статьи планируется отдельное издание, посвященное песенному творчеству исполнительницы в удмуртской культуре;
- в д. Карамас-Пельга зять Жакапай восстанавливает ее отчий дом, чтобы впоследствии он функционировал как родовой дом-музей памяти Ольги Николаевны Соловьевой.

ИСТОЧНИКИ

Кто мы. Армии келян [Проводы в армию]. URL: https://youtu.be/nICe_P8DhoI (дата обращения 26.11.2019).

Кырзакум бордйсько, бордыкум кырзасько [Когда пою плачу, когда плачу пою] / О.Н. Соловьева; записала Л. Тихонова // Удмурт дунне. 2012. 9 нояб. С. 6, 11. URL: <https://elibrary.unatlib.ru/dspace/dsview.html> (дата обращения 25.11.2019).

Письма из провинции. URL: <https://youtu.be/EhYDW8KQpk4> (дата обращения 26.11.2019).

Праздник Акашка д. Карамас-Пельга, Киясовский район, Удмуртская Республика. URL: <https://youtu.be/AhuPuJH0Vc4> (дата обращения 26.11.2019).

Удмуртия, я люблю тебя. URL: <https://youtu.be/AjXcPlnyxds> (дата обращения 26.11.2019).

ЛИТЕРАТУРА

Алтаев С. Сказочник-балагур: личность и творческий тип // Личность в традиционной культуре. М.: Государственный институт искусствознания, 2014. С. 41–59.

Анисимов Н. В. «Диалог миров» в матрице коммуникативного поведения удмуртов. Tartu: University of Tartu Press, 2017. 386 с.

Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год-берган: календарные обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск, 2011. 320 с.

Жуланова Н. И. Личность в традиционной музыкальной культуре: от социокультурных ролей к уникальным индивидуальностям // *Личность в традиционной культуре*. М.: Государственный институт искусствознания, 2014. С. 14–40.

Личность в культурной традиции. М.: Государственный институт искусствознания, 2014. 432 с.

Макарова В. В. Музъем колёса, сюэм пияла... Жакы апайлэн чеберлыко кылос портретэз (Земля – колесо, сердце – стекло... Творческий портрет тети Сойки): дипл. работа. Ижевск, 2007. 56 с.

Нуриева И. М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 272 с.

Нуриева И. М. Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика жанрообразования и функционирования: дисс. на соиск. учен. ст. доктора искусствоведения. Ижевск, 2014. 415 с.

Пчеловодова И. В. Удмуртская песенная лирика: От мотива к сюжету. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2013. 164 с.

Пчеловодова И. В., Анисимов Н. В. Песни южных удмуртов. Вып. 4. Ижевск-Тарту, 2017. 376 с. (Удмуртский фольклор).

Ромодин А. В. Человек творящий. Музыкант в традиционной культуре. СПб: ГНИИ «Институт истории искусств», 2009. 288 с.

Стародубцева С. В. Ох, распечальное моё сердечко (песни из репертуара Натальи Власовой). Вып. 1. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 226 с. (Русский фольклор Удмуртии).

Поступила в редакцию 04.04.2020

Пчеловодова Ирина Вячеславовна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,

Удмуртский институт истории, языка и литературы

Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: orimush@mail.ru

Анисимов Николай Владимирович,

кандидат филологических наук, младший научный сотрудник,

Удмуртский институт истории, языка и литературы

Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

научный сотрудник отдела фольклористики,

Эстонский литературный музей,

Эстония, 51003, г. Тарту, ул. Ванемуйзе, д. 42

E-mail: kyldysin@yandex.ru

I. V. Pchelovodova, N. V. Anisimov

THE PERFORMER AND TRADITION: PERSONALITY AS A PHENOMENON IN TRANSMISSION OF THE UDMURT CULTURAL HERITAGE

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-418-434

For the first time, this article concentrates on the phenomenon of personality in the Udmurt ethnical culture. This is a good framework to talk about Olga Nikolaevna Solovyova (1932–2018), well-known among the Udmurt as *Dzhaky/Dzhakaray/Dzhaky apay* (litt.: Jay/aunt Jay). There are several reasons for scientific interest about her: she had a huge knowledge of singing repertoire and rituals, she was able to improvise freely within her local tradition, she had exceptional musical abilities.

The analysis of Olga Solovyova's character as a performer allows to connect the songs in her repertoire with her singer's fate. Many of her non-ritual songs are indeed autobiographic narratives with her reflections about her unhappy life, her fate as an orphan. A large corpus in her songs belongs to the so-called personal songs, a kind of memory about a person in musical, singing form. Another original feature in her singing art was the knowledge of other communities' songs (Russian, Mari, Tatar), from the surrounding villages, both in the original languages as in translation into Udmurt. Because of her knowledge of the local ritual tradition, Olga Solovyova was a significant and respected member of her village community. Until her life's last day, she respected the traditional worldview positions, the behavioural rules, the canons of ritual and singing performance, which she endeavoured to instil in her entourage. All this arose genuine interest in social and scientific circles. And today, when she is no more among us, her name comes back to life in numerous different projects.

Keywords: Udmurt, tradition, personality, biography, singing repertoire, performer's character.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 3, pp. 418–433. In Russian.

REFERENCE

Alpatov S. Skazochnik-balagur: lichnost' i tvorcheskii tip [Joker storyteller: personality and creative type]. Lichnost' v traditsionnoi kul'ture [Personality in traditional culture]. Moscow: State Institute of Art Studies, 2014. P. 41–59. In Russian.

Anisimov N. V. “Dialog mirov” v matritse kommunikativnogo povedeniya udmurtov [“Dialogue of the worlds” in the matrix of communicative behavior of the Udmurts]. Tartu: University of Tartu Press, 2017. 386 p. In Russian.

Vladykina T. G., Glukhova G. A. Ar-god-bergan: kalendarnyye obrjady i prazdniki udmurtskogo kalendarya [Ar-god-bergan: calendar rites and holidays of the Udmurt calendar]. Izhevsk, 2011. 320 p. In Russian and Udmurt.

Zhulanova N. I. Lichnost' v traditsionnoi muzykal'noi kul'ture: ot sotsiokul'turnyh roli k unikal'nym individual'nostyam [Personality in traditional musical culture: from sociocultural roles to unique personalities]. Lichnost' v traditsionnoi kul'ture [Personality in traditional culture]. Moscow: State Institute of Art Studies, 2014. P. 14–40. In Russian.

Lichnost' v traditsionnoi kul'ture [Personality in traditional culture]. Moscow: State Institute of Art Studies, 2014. 432 p. In Russian.

Makarova V. V. Muz'em koljosa, sjulem pijala... Dzhaky apailen cheberlyko kylos portretez [Earth – wheel, heart – glass... Creative portrait of Aunt Sojka]. Izhevsk, 2007. 56 p. In Udmurt.

Nurieva I. M. Muzyka v obryadovoi kul'ture zavyatskih udmurtov [Music in the ritual culture of Zavyat Udmurts]. Izhevsk: UIHLL UB RAS, 1999. 272 p. In Russian.

Nurieva I. M. Udmurtskaya muzykal'no-pesennaya traditsiya: spetsifika zhanroobrazovaniya i funkcionirovaniya: diss. na soisk. uchjonoj st. doktora iskusstvovedeniya [Udmurt musical song tradition: specifics of genre formation and functioning]. Izhevsk: UdGU, 2014. 415 p. In Russian.

Pchelovodova I. V. Udmurtskaya pesennaya lirika: ot motiva k syuzhetu [Udmurt song lyrics: from motive to plot]. Izhevsk: UIHLL UB RAS, 2013. 164 p. In Russian.

Pchelovodova I. V., Anisimov N. V. Pesni yuzhnyh udmurtov. V. 4 [Songs of Southern Udmurts. V. 4]. Izhevsk-Tartu, 2017. 376 p. Udmurtskij folklor [Udmurt folklore]. In Russian, Estonian, English and Udmurt.

Romodina A. V. Chelovek tvoryacshii. Muzykant v traditsionnoi kul'ture [Creative man. Musician in traditional culture]. St. Petersburg: GNII “Institute of Art History”, 2009. 288 p. In Russian.

Starodubtseva S. V. Oh, rospechal'noe mojo serdechko (pesni iz repertuara Natal'i Vlasovo i) [Oh, my rosy heart (songs from the repertoire of Natalia Vlasova)]. V. 1. Izhevsk: UIHLL UB RAS, 1999. 226 p. (Russian folklore of Udmurtia). In Russian.

Received 04.04.2020

Pchelovodova Irina Vyacheslavovna,

Candidate of Philological sciences, Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS
4, Lomonosova st., Izhevsk, 426004, Russian Federation
E-mail: orimush@mail.ru

Anisimov Nikolai Vladimirovich,

PhD/ Candidate of Philological sciences, junior researcher,
Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS
4, Lomonosova st., Izhevsk, 426004, Russian Federation
Department of research in Philology, researcher,
Folklore Department, Estonian Literary Museum
42, Vanemuise st., Tartu, 51003, Estonia
E-mail: kyldysin@yandex.ru